

Аркадий МАКАРОВ

БЫСТРЫЕ ДЕНЬГИ

18+

@ЭЛИТА

Аркадий Макаров

Быстрые деньги

Электронное издательство "Аэлита"

2015

Макаров А.

Быстрые деньги / А. Макаров — Электронное издательство
"Аэлита", 2015

Повесть «Быстрые деньги» рассказывает о нашем, не совсем правильном времени, когда страсть обладания деньгами побеждает страсть обладания королевой красоты. Все хотят всё и сразу. Так один из героев книги спился и пропал во времени, а другой, обладая большими деньгами в конце повести превратился в бомжа на пляжах Израиля. Любовная интрига и лёгкие деньги оборачиваются трагедией для обоих главных героев: Николая Шмырёва и скромного служащего банка Дениса Тагенцева, который пошёл на сделку с совестью, обеспечив большой кредит предпринимателю и школьному другу Николаю по кличке «Шмырь». Деньги и доступные женщины – вот тот тупик, где человек теряет своё достоинство и самого себя.

© Макаров А., 2015
© Электронное издательство
"Аэлита", 2015

Аркадий Макаров

Быстрые деньги

Деньги – суть помёт дьявола

К. Маркс

У гроба карманов нет

Житейская мудрость

1

Деньги, деньги, деньги...

Эта мысль, как убийца с ножом, неотступно преследовала его, где бы он ни находился. Счётчик «реальных пацанов», которым он так необдуманно задолжал, как напряжённый кровоток в височной доли, отстукивал время «Х».

Когда очень уж было плохо, бедняга покидал квартиру, выходил в город, толкался в бесконечных бутиках, модных для нынешнего времени магазинчиках, и, чтобы заглушить опустошающий, кричащий в отчаянии мозг, выбирал самые дорогие товары, осматривал, приценился – и брезгливо возвращал продавцу. Мол, торгуете вы тут всякой всячиной, а мне нужна вещь изысканная, деликатная, высшей пробы. Делал вид человека, которого любят деньги и женщины.

Продавцы, в основном люди молодые, мыльные пузыри нашего времени, сверкая радужным перламутром, всячески старались угодить дотошному покупателю, вероятно, очень состоятельному, коль он так придиричив, даже к тем вещам, на которых стоит знак самого совершенства.

Так он тренировал себя, чтобы не забыть время тучных библейских коров.

Покупатель этот, хотя не такого уж и молодого возраста; лет тридцати, но одет «по-пацански» небрежно. Ничего лишнего. Ничего строгого. Мягкие брюки из мелкого вельвета, мягкая, не заправленная в брюки рубашка, полы которой выглядывают из-под короткой, тоже мягкой тонкой кожи, курточки: всё выглядело так, словно человек одевался наскоро, впопыхах, прямо со сна.

Примерно так теперь носят одежду удачливые люди, однажды под шумок поймавшие бога за бороду. Они сами себе – и лодка, и ветрило, и волна, и тихая заводь, и кредитор, и заёмщик. Эти – не планктон офисный, который в галстуках да наглаженных костюмах норовит и в постель нырнуть, особенно если постель чужая.

Таким вначале и был Денис Тагенцев. Он верил в государство, как беззаветно верит губастенький малыш в непогрешимость родителей, верил в кристальную честность властных политиков, пока те не стали показывать хищную обывательскую морду заурядных потребителей.

И он в начале девяностых, вдруг оказавшись в горсти у жёлтого дьявола, стал забывать моральные принципы. Все. Или почти все.

Огнедышащий Ваал Зебул, когда нянчил его, обещал конфетку. Как в том анекдоте: «Вовочка просит у мамы конфетку. Мама сказала: «Сунь пальчик в розетку!» Долго дымились детские кости. Долго смеялись над шуткою гости.

Всё примерно так и было. Денису очень хотелось сладкой жизни, даже слюнки потекли, когда увидел перед собой огромную, от океана до океана, ставшую ничейной, Россию.

Все понесли всё: рабочий – долото, хирург – скальпель, учитель – промокашку. Сучье время!

Волчий выводок детей Арбата стал рвать от Родины столько, сколько сразу и не проглотить.

Давились. Выбрасывали со рвотой то, что не могли переварить желудки, изъязвлённые желчью и презрением ко всем, кроме самих себя.

Вот тогда-то застенчивый и скромный служащий госбанка – а тогда все банки были государственные – Денис Тагенцев, не успев обремениться отчеством, решил навести порядок на своём рабочем месте: подмести банковское хранилище.

Он долго ломал голову: как это сделать? Голова болела, а хранилище в бетонной рубашке как стояло, так и стоит забитым под самый потолок деньгами.

Освободил его от головной боли один школьный товарищ, бывший комсомольский деятель, а при новой власти генеральный директор строительной фирмы «Социальная Инициатива» Коля Шмырёв.

Вообще-то он теперь обзывался совсем по-взрослому: Николай Константинович, но для Дениса так и оставался Колей, потому как школьные игрища давали Тагенцеву полное право называть его даже не Колей, а по кличке – Шмырь.

Коля Шмырёв и в школьные годы был большой выдумщик. Какая-нибудь извилина в мозгу у него всегда чесалась. То в школьную выгребную яму – школа стояла в самом центре села – пачку спиртовых дрожжей подбросит, отчего вся территория школы превращалась на несколько дней в зловонное озеро и занятия по известным причинам отменялись, то электрический рубильник закончат жёваной бумагой. Вторая учебная смена при отсутствии освещения распускалась по домам, к великой радости школьников, да и учителей тоже. Одному директору школы, отцу Дениса – морока. Мокрая бумажная жвачка аккуратно прокладывалась Колей между пластинами рубильника. И – всё! Ток свободно течёт через мокрую прослойку между контактами, и во всех классах горят лампочки. Но вот по мере прохождения электричества через прокладку, она, нагреваясь по законам Джоуля-Ленца, высыхает, сухая бумага преграждает путь свободным электронам, и вся школа резко погружается в сплошную темень. Директор, чертыхаясь, лезет в щитовой ящик, а там всё путём – рубильник включён, а света нет. Во дела!

Утром придёт электрик, передёрнет рубильник, бумажный окатыш выпадет, и вот он – фокус! Свет есть, но в окнах уже день.

Или совсем уж по-дурному: выигрывает на спор с одноклассницами, объявляя, в каких трусиках та пришла в школу. «В каких? В каких?» – спрашивает иная очень уж дотошная. «А ни в каких!» – спокойно скажет Шмырёв, и оказывается в выигрыше.

Способ очень простой и каждому доступный, особенно если у тебя ноги длинные. Интернета тогда ещё не было, а Николаю очень хотелось посмотреть разные штучки, вот он и додумался. В классе мальчики и девочки на партах чередовались: первый ряд девочки, второй – мальчики, и так далее. Вот Шмырь липучкой крепит на носок ботинка маленькое зеркальце и, незаметно вытянув ногу, делал обзор впереди сидящих девочек, а потом объявляет скрытые тайны.

Одноклассницы, бывало, его драли за волосы, но Коля Шмырёв стойко выдерживал бои, и клялся, что выскажет всё в определённое природой время для каждой. Тогда его с хохотом отпускали.

«Ну, Шмырь! Леонардо да Винчи какой-то!» – восхищённо цокали языками дружки.

Время шло, дружки рассыпались по великой стране, как горох из стручка, подружки повыходили замуж, а Денис Тагенцев и Николай Шмырёв оказались почти рядом, в одном городе, но встречались редко.

Ещё во времена предателя Горбачёва, когда ловкие дельцы и прохиндеи всех мастей получили разрешение открывать при действующих государственных предприятиях так называемые кооперативы, чтобы легально отмывать от трудового пота денежную массу и присваи-

вать себе, Коля Шмырёв, окончив при обкоме ВЛКСМ курсы пропагандистов, возглавил это движение, и организовал в городе первый кооператив, назвав его по-комсомольски просто – «Авангард».

Забросив ораторское искусство и одолжив в одном из цехов завода подшипников скольжения угол для своего кооператива, Николай Константинович Шмырёв стал его ведущим инженером.

Движение было новое, поддержанное партией и правительством, поэтому с лозунгом – «Даёшь кооперативы!» – включился мощный насос по откачке государственных средств в частные руки.

Николай Константинович из заводских отходов цветных металлов на ручных штамповочных прессах стал делать мелкие поделки в виде всяческих сувенирных знаков. И, художественно, сумел заработать на этом, да ещё и на розничной продаже своей мелочёвки, больше миллиона, правда, советских, не номинированных рублей, весомых, как гантели тяжелоатлета.

Время шло, денежной массе требовался кислород, а в заводском пространстве, пропитанном потом и тавотом, деньги задыхались. Они не давали покоя владельцу.

Показывать своё «богачество» в то время было не то чтобы опасно, а рискованно: придут «реальные пацаны», положат горячий утюг на спину – сам все закоулки наизнанку вывернешь...

Что делать, что делать?..

Девяносто первый год разрешил все проблемы.

Николай Константинович разве только не молился на Ельцина. Как этот коммунист первых рядов смог угадать озабоченность таких вот людей, как Шмырёв? Кислородная подпитка получилась такая, что денежные знаки стали размножаться, как кролики. Николай Константинович на базе «Авангарда» открыл строительную фирму «Социальная Инициатива» – и название подкупающее, и занятие не для простачков.

Пока Денис Тагенцев мучился подсчётом пухнувших денежных купюр в банковских хранилищах, Коля Шмырь стал строителем волчьего нового капитализма в отдельно взятой стране.

Размах воровства подкупал своей простотой: надо только иметь своего человека или в администрации, или в банке. Вот тогда-то и вспомнил Шмырь Дениса, который как нельзя подходил к его задумке. Во-первых, свой человек, а во вторых работает непосредственно с деньгами.

У чиновников в администрации, чтобы взять подходящую бумагу, ноги обобьёшь, да и отстёгивать придётся бешеные проценты, а с Денисом можно и как-нибудь договориться.

Ведь «как-нибудь» он с ним уже договаривался: была у Дениса Тагенцева пятёрка по математике, стала пятёрка у Коли Шмыря в аттестате, была у Дениса Наташа, невеста почти, а стала у Коли жена. Может, и на этот раз повезёт?..

Вон страна опустилась на четвереньки перед ватажными ребятами из московских да одесских дворики и – всё путём! Центральный банк по липовым платёжкам «КАМАЗами», как навоз, грузит наличность, запросто опустошая закрома когда-то великого Советского Союза. И, что интересно – платёжки подписаны химическим карандашом. Кто подписывал – не разберёшь, но, видно, большие начальники, коли сам председатель банка бумаги эти принимал к производству. Проверяющим некогда, у них банковский «навоз» к ладоням прилип, руки заняты.

В тот день Денису совсем не работалось. Он, убаюканный тишиной, в сладкое послеобеденное время легонько подрёмывал за рабочим столом, свесив голову над осточертевшими бумагами. Кому теперь они нужны, эти отчёты, проценты, дебет, кредиты? Ну их!

Вот тогда-то и постучал к нему в кабинет Николай Константинович Шмырёв – солидный человек, при галстук и при объёмистом портфеле. Не они при нём, а он при них. Точь-в-

точь начальник из руководящих структур! При одном таком виде Денис сразу заскучал: опять проверки, опять бумажный шелест, опять в сыром подвальном хранилище денежные знаки пересчитывать...

Поднял голову, а он – вот он! – Шмырь, его одноклассник, с которым баламутили все десять лет, пока не отпочковались от школы! Постучал и, не дожидаясь приглашения, уже сидит в кресле перед Денисом. Нога на ногу, портфель на коленях, взгляд смешливый. Вроде снова на весёлое дело зовёт – ёжика училке подсунуть, или у девчонок секреты подсматривать.

– Колюха! Шмырь! Во ты теперь важный какой! Монеты, что ли, штампуешь вместо значков да сувенирных побрякушек?

– Вот ты смеёшься, а я к тебе за помощью пришёл.

– Что, Наташка из дома выгоняет?

– Какая Наташка? Ты лучше бы сам на ней женился, а то мне втюхал!

– Извини, а не ты ли её у меня из-под носа увёл. Друг называется...

– Во-во! Друг. Спас тебя от этой фурии. Она дома как гарпия. Деньги давай, деньги давай, давай деньги! – Николай досадливо махнул рукой: – Ну, их, баб этих! Хочешь, забирай её обратно! Давай лучше о деле поговорим.

– А я-то тут при чём? – Денис, отбросив шуточный тон, внимательно посмотрел на Шмырёва.

– Мне наличность во как нужна! – полоснул себя по горлу школьный товарищ, снова превратившись в того Шмыря, которого так хорошо знал Денис.

– Я тебе займы дать не могу, извини! Сам на жаловании сижу.

– Ты не на жаловании сидишь, а на деньгах, если не дурак совсем.

– Деньги государственные. А я не казнокрад.

– Какое государство? Опомнись! Твоё государство, как подшипники качения из обоймы, рассыпалось. Теперь всё – наше! Вот она – настоящая демократия! Бери и глотай, сколько проглотить! Ельцин всё спишет. Зря, что ли, мы за него голосовали!

– Не знаю, как ты, а я за эту тварь никогда не голосовал. Бандит он, а не президент!

– Вот видишь, что значит демократия! Ты моего президента бандитом обозвал, а я на тебя доносить не пойду. Да если и донесу – кто слушать будет? Гласность. Сладкое слово – свобода!

– Ладно, оставим политику, перейдём к блудям, как ты обычно говоришь!

– Э, в моём женатом положении я туда не ходок. Это тебе всё можно. Чуешь преимущество? Благодарю друга, что холостым ходишь!

– Благодарю, благодарю! А дальше – что?

– Дальше, извини, яйца не пускают! Продав я свой бизнес одному чуваку, вроде тебя, а сам подался в строители. Свою собственную фирму зарегистрировал. Наличность нужна...

– Ну, это ты уже говорил! Наличность всем нужна! – Денис машинально отодвинул ящик стола. Там лежали несколько купюр, отложенных на сегодняшний вечер. Денис переложил их в карман и встал. – Пошли, угощу!

– А начальство? – кивнул товарищ в сторону соседнего кабинета.

– Начальство в Москве, а мы здесь! Пошли!

Короткое общение со школьным товарищем вновь превратило скучного конторского работника Дениса Тагенцева в того беззаботного малого, каким он и был на самом деле.

Самое лучшее место для дружеских посиделок в новое время стали бесчисленные кафешки, правда, не дешёвые, но зато без претензий. Возьми кружку пива и сиди себе, не дёргайся, на тебя никто косо не посмотрит. Если не нравится пиво, закажи чашечку кофе – тоже ничего себе.

В этих современных забегаловках нет, как в прежние времена, напористой надоедливой музыки: каждый занят своим делом. Посетители транжирят время и деньги, обслуживающий

персонал экономит на освещении, что как нельзя лучше соответствует любовным или дружеским разговорам.

Для такой встречи – что пиво?! Денис размахнулся на бутылку коньяка, но, прикинув свой денежный эквивалент, заказал обычной водки, салат из помидоров и, посмотрев на друга, добавил к закуске ещё по котлете с картофельным пюре.

– Нет, ты никак не избавишься от совковой привычки – экономить на закуске? – Шмырь лёгким щёлканьем пальцев заставил вернуться прилежную, наверное, из студенток, официантку и отменил заказ Дениса. – Девушка, – сказал он вкрадчиво, – мой родственник, – Шмырь опустил руку на плечо Дениса, – только что из деревни. Сделайте что-нибудь посущественней: бутылочку виски, парочку омаров... Как, нет омаров? Ну, тогда наших донских раков, десятка полтора. И виски нет?! А что же у вас есть? Водка? Нет, не надо! – Шмырь встал и потянул немного смущённого Дениса на выход. – Пойдём, чего ты? Не в этой же рыгаловке сидеть двум старым корешам?!

Чего-чего, а ресторанов в Воронеже всегда хватало. И даже неплохих. Зашли с какого-то потайного двора в небольшой полупустой зальчик с низким потолком и большими зелёного цвета абажурами, свисающими над столиками, как огромные арбузы с полупрозрачной коркой, налитые всклень светящимся соком.

После мерзкой погоды на улице Денису здесь показалось так хорошо, что он с удовольствием опустился в мягкое кожаное кресло, по-женски уютно принявшее его.

– Посидим? – улыбочиво спросил Николай.

– Как скажешь! – потянулся в кресле Денис.

– Человек! – по-купчески позвал Шмырь официанта, а послышалось – «Половой!»

К столику подсуетился, пританцовывая на полусогнутых, малый, место которого давно пустоет возле плавильной печи, а не на кухне. С готовностью: «Чего изволите?» склонился над зелёным шёлком скатерти.

– А изволим мы чего-нибудь покрепче на закуску, и выпить как-нибудь! – Шмырь, по всему виду, был здесь своим человеком.

– Николай Константинович, как всегда?

– А ты что – забыл?

– Как можно, Николай Константинович, Вас забыть? Таких век помнят!

– Ну, то-то же! Действуй в разумных пределах!

Человек мгновением фокусника выхватил откуда-то белые салфетки, словно выпустил голубей из рукава, большими квадратами разложил на зелёном шёлке и тут же скрылся, как прошёл сквозь стену.

Денис изумлённо огляделся. Стена, где исчез человек, невозмутимо пестрела причудливым орнаментом, от которого рябило в глазах.

– Во, дела! – повернулся он к товарищу.

– А-а, хитрость хозяина от налоговой инспекции. Пока чиновник разберётся, что где, хозяин с бумагами – вот он! На оси вращается! – указал он на провал в стене, в котором тут же появился тот малый, по которому сучает плавильная печь, а может, и монтажная площадка.

Под жёлтым пластиковым сомбреро по стойке «Смирно!» встала во весь рост с длинным узким горлышком бутылка кактусовой водки.

– Текила! Мексиканская! – радостно представил бутылку «человек», поставив рядом две махонькие розеточки с белым порошком и тарелочку с тонко нарезанными ломтиками лайма.

– А я думал – моршанская! Рюмки давай, раздолбай! – в рифму сложил слова и рассмеялся Шмырёв.

С подноса соскочили сами собой две круглые рюмки-неваляшки и уютно примостились возле бутылки, как пара малышей-близняшек возле материнной юбки.

– То-то! – отмахнулся Шмырь от «человека». – Начнём для разминки! – сняв пластиковую нащёлку, плеснул в неваляшки желтоватой водки и одну рюмку протянул Денису. – Действуй!

Денис никогда не употреблял экзотических напитков. Он всегда предпочитал нашу русскую, или иногда, в особых случаях, простой коньяк, поэтому с подозрением поглядывая на бутылку, потянул рюмку к себе.

– Э! Постой! – попридержал его руку Шмырь. – Учись! – он шепотью присолил себе из розетки впадину между большим и указательным пальцами, лизнул её, опрокинул в себя неваляшку и прищемил крепкими зубами кружочек лайма. – Ух! Хорошо!

– А это зачем? – Денис показал на соль.

– А чёрт её знает! Говорят, так текилу только и пьют.

Денис повторил все действия за другом и тоже пососал жгуче-кислый ломтик, прислушиваясь к действию мексиканского чуда. Но сколько ни старался, организм этот напиток не ощутил. То ли дело – русская водка! Опрокинешь стопку – в желудке словно костёр раздули. А это – баловство одно!

– Ты не спеши! В тихом омуте – самые черти! Вот усидим пузырь, потом сам поймёшь, кто твой друг. – Шмырь снова наполнил сестёр-неваляшек. – Давай!

– Даю! – в тон ему ответил Денис и тут же опрокинул в себя рюмку.

– А соль?

– Сойдёт и так – без выпендрёжа!

– Ну-ну... – Шмырь повертел-повертел неваляшку и тоже принял в себя.

Пока «человек» мудрил с ужином, друзья потеплели.

Денис молча уставился на товарища, вопрошая: по какому случаю праздник?

– Денис, только между нами, ладно? Я легче пера! Жена спрашивает деньги на хлеб, а я ей говорю: «Какие деньги? Они у меня все в деле! Дура!»

– А кто же за ресторан платить будет? У меня с собой только на кафешку было...

– Не бойсь! Это я жене так говорю. А за ужин я плачу и заказываю музыку.

– Какая музыка? Здесь не пляшут.

– Это я так, метафорично. – Шмырь достал из кармана небольшой перехваченный резинкой рулончик тысячных купюр, и показал Денису.

– Ничего себе! – восхитился Денис. – И при таких деньгах ты говоришь, что – легче пера?

– Какие это деньги, брат, это слёзы страны. Вот у тебя в банке – деньги.

– В банке не в кармане! Мало ли где что лежит!

– Слушай сюда, брат! Мне нужны деньги, и большие! И ты мне их дашь!

– Не расплескай! Держи карман шире!

– До чего же ты непонятливый! Оформи на мою фирму «Социальная Инициатива» кредит – и мы с деньгами!

– Какой вопрос? Приходи, оформляй под залог бизнеса.

– Под залог моего бизнеса я получу каких-то пару-тройку мультов.

– Мульти – это что?

– Лямы. Единица с шестью нулями. Лимоны. Мне их надо – много!

– Много – это сколько?

– Ну, хотя бы сотни полторы!

Пока усидели мексиканскую водку, пока добавили нашу русскую, пока загрузили пивом с донскими, специально откормленными для такого случая, раками (– На, ешь – лобстеры!), Шмырь убедил Дениса подписать в своей конторе требуемые банком бумаги на кредит для строительства социального жилья, столь необходимого городу и стране.

Хлопнули по рукам. Хлопнули по «отходной». Зажевали донским «лобстером». И попытались встать.

– Пойдём, чего ты? – Шмырь приподнял со стула порядком захмелевшего Дениса и нахлобучил ему на голову синюю выгоревшую за лето джинсовую бейсболку. – Пойдём ко мне домой! Я тебя с женой познакомлю. У меня жена... – Потом, чего-то вспомнив, махнул рукой. – Баба! В горящую избу войдёт, коня на скаку остановит и дальше поскачет. Во, какая баба! – Да ты её знаешь! Пойдём! Посидим по-семейному!

По всему было видно, что молодой предприниматель, становой хребет России, враз ставшей страной третьего мира, Николай Константинович Шмырёв тоже не забыл, откуда он родом. Алкоголь стёр с его лица все признаки респектабельности «нового русского», превратив в нормального, хорошо выпившего простого русского мужика. Недаром до сих пор жива мудрая поговорка: «Выпил – и ты свободен!».

Они шли по тёмной пустынной улице города, обнявшись, как родные братья.

В такое позднее время транспорта не дождёшься, и друзья, согласно выдохнув: «Пошли!», отправились пешком на другой конец города, где жил Николай.

По улице вслед им, таким молодым и счастливым, ветер, загребая щедрой пятерней жёлтые рублёвки опавших листьев, бросал, не считая: «На, бери!»

Сентябрь. Время зябких ночей и хмурых рассветов. Осень. Сверху стало моросить той промозглой сыростью, от которой вроде и не мокнешь, но и не согреешься. Одним словом – мзга.

Николай Константинович, ну, Коля Шмырь, идёт уверенно, не шатнётся, словно и не пил вовсе, а Денис оказался послабее, всё о прошлом тужит. Наташку вспоминает. Как бы сам себе пытается что-то спеть, а получается всё одно и то же: «Спи, Наташка, я не понимаю, отчего в тебе такая власть?..»

– Да не тяни ты! Не на паперти стоишь! Наташка, Наташка! Баба, она и есть баба! – приостановился на мгновение Шмырь. – Чего ты?

– Я? Ничего! Птичку жалко!

– Какая она птичка? Пила двуручная! Пошли, сам увидишь!

– Не, к тебе не пойду. Сам говоришь – пила! В таком виде – только ко мне!

Денис потянул школьного приятеля к себе на квартиру, которую снимал за небольшие деньги у одной знакомой женщины без возраста. Женщину звали тётя Клава. Она на время отъехала к дочери, до той поры, пока дочь родит, а там видно будет. «Какие они нынче, молодые? Всё пляски да веселье; каждый день, как праздник престольный. Поеду, никак... Разберусь!»

Вот и разбирается с молодыми тётка Клава. Уже четвёртый год, как разбирается. Наверное, зять не очень допекает, а дочь без материнских рук, да ещё с дитём, куда? Так и живёт Денис в квартире сам-один. Когда девку приведёт, а когда и с товарищем погуляют. Главное, живи и соседей не доставай холостяцким бедламом да музыкой той, где в каждой ноте – кузница с паровым молотом. Деньги за квартиру Денис в своём банке исправно вносит каждый месяц на личный счёт тёти Клавы. Так что в этом вопросе у них с хозяйкой полный порядок.

– Шмырь, пойдём ко мне! – отирая пятерней лицо то ли от мороси, то ли от нахлынувших воспоминаний, сказал Денис. – У меня там полный абзац! Холодильник пустой, но кофе обещаю. Пошли!

Пришли. Постояли возле двери. Ключи у Дениса в рабочем столе остались. Во – дела!

– Я тебе говорил? Говорил! Пойдём ко мне чай пить!

– Какой чай, Шмырь? Оглянись! Ночь давно...

Вышли на улицу. Николай достал из кармана телефон. Сотовый. В то время «мобильники» были большой редкостью. Попиликал на кнопках, и вот уже через пару минут возле друзей одиноким изумрудом загорелся волчий глаз ласково урчащего такси.

– Грузись – и мы дома!

Шмырёв жил на глухой окраине, отгороженной от чадающего города серебристым осинником и топольками, где в последнее время, как по шучьему велению, за высокими оградами

вырастали, пугая главного архитектора эклектикой, дома, претендующие на дворцы. Это место жители прозвали «долиной нищих», намекая на несусветное богатство неожиданных нуворисей.

– И ты – туда же! – тяжело вылезая из машины, с хмельной укоризной проворчал Денис.

Машина остановилась возле высокой стены из красного кирпича. В галогенном свете фар забор выглядел настолько внушительно, что можно было подумать, за ним – кремль вместе с Думой и президентом.

Шмырь нажал на какой-то потайной кирпич. Без единого звука распахнулась калитка, и ночные гости нырнули туда, как прошли сквозь стену. Калитка вновь бесшумно закрылась. Лязгнула цепь, и огромный пёс с большой бычьей головой положил передние лапы на плечи хозяину и лизнул его в лицо, на Дениса же не обратил никакого внимания.

– Ладно, ладно, не лижись, ты ведь не баба! Место! – коротко обронил Шмырь и пёс тут же нырнул в будку.

Как ни странно, дверь в дом была не заперта, и они крадучись пробрались на кухню, которая занимала чуть ли не весь первый этаж.

– Да тут у тебя хоть в футбол играй! Вот что значит капиталист! И не надо, а положено...

– Я хотел бассейн здесь устроить, да Наташка – против. Она сырость не любит. Говорит, насморк у неё от сырости.

При слове «Наташка» Денис весь подобрался и нехорошо посмотрел на товарища.

– Ты чего? Она сама от тебя ушла! Я тут при чём?

– Ладно, проехали! Угощай чем-нибудь!

Шмырь достал маленькую пузатенькую бутылочку. Денис отрицательно покачал головой:

– Кофе!

– Как прикажешь!

Шмырь повертел в руках блестящую гранёную штуковину, развинтил её, в одну половинку насыпал кофе, и снова завинтил.

– Что это у тебя?

– Кофеварка. Только для друзей. Последняя модель. В ней кофе все члены на дыбы поставит. Виagra, а не кофе.

Через пару минут на плите блестящая штуковина стала потихоньку посапывать, покрывая, запахло ароматом, от которого сразу захотелось кофе – и только кофе!

Шмырь разлил по крохотным чашечкам желтовато-коричневую пену:

– Щас увидишь!

Действительно, после нескольких глотков обжигающей пены, в голове вся муть осела, как гуща кофейная, и Денису стало почему-то неуютно в этих стенах, где рядом в лебяжьем закулке спит, свернувшись калачиком, его бывшая Наташка. Подлая и красивая. Может, оттого и подлая.

Всё получилось внезапно, как внезапно происходят большинство определяющих жизнь, событий.

Денис уехал учиться в Плехановский институт, «Плешку», как её называли студенты. Это было самое фундаментальное учебное заведение, где готовили экономистов высшего класса. Учился Денис легко. Но Москва – это так далеко от Воронежа, где в учительском институте постигала высшую педагогику Коростелёва Наташа, его самая первая юная любовь, которая ещё не знает, что она первая. В такие годы любовь бывает только последней, только до самого конца. Так думалось обоим. И Денис был в этом уверен так же, как знал, что после ночи всегда приходит утро. Но он забыл одно обстоятельство: природа. Как поётся в песне: «А девочка женщиной будет...». К тому же Коля Шмырёв, которому их одноклассница в школе была недосыгаема, готовился в городе на партийного пророка. А Шмырь всегда добивался желаемого. Сначала неожиданные мимолётные встречи. Шутки и воспоминания. Потом курсовые работы

студентки почему-то стали крайне необходимы слушателю совпартшколы Николаю Шмырёву. Потом всякие вкусные штучки и зависть подруг. Потом... Ну, а что было потом, кто ж его знает? Вот и получил Денис неожиданное приглашение на свадьбу. Сорвался. Приехал на разборку, а там уже всё разобрано. По ночам кусал пальцы, а днём рьяно постигал марксистскую экономику, на время отвлекаясь от своих проблем.

Ах, детство, детство!..

Девочка ты моя неповторимая!.. Школьница-ученица! Бабочка белокрылая! Смеялась так, как потом не умел никто. Фартучек кружевной, платьице каштановые, косы ручейками по плечам, лёгкий завиток над бровью, а бровь, как колосок ячменный. Вскинет бровь, засмеётся – сердце остановится... Эх, что было – былём поросло! Вот, вспомнилось и взгрустнулось...

...Во всём виновата их классная руководительница, добрейшая и мудрая Вера Ивановна, учительница истории. Это она, направляя класс на послушание, впервые в сельской школе рассадила попарно мальчиков и девочек за одной партой. Вначале было весело и шумно, но потом всё стихло, как стихает, умаявшись, гроза над полем. Тихо, и ни одна травинка не шелохнётся.

Только потом такой скандальный почин потихоньку перебрался и в другие школы, где получил всеобщее одобрение начальства. Новый подход к старым проблемам. Нравственное и сексуальное воспитание налицо. Запретное – всегда рядом, а привычное не раздражает. Тогда интернет только предощущался, и случаи беременности несовершеннолетних были крайне редки. А об изнасиловании и речи не велось.

Так каждому досталась своя половина. Класс стал задумчивее, торжественнее и, кажется, даже поскучнел от этой торжественности.

Один Коля Шмырёв оставался весел и неунываем. Ему не досталось никого. В классе случилось нечётное число учеников, и кому-то пришлось быть одному. К Шмырёву ни одна девочка не соглашалась садиться, но, несмотря на это, он держался в гордом одиночестве. Зато был пересажен на первую парту и всегда оказывался у преподавателя под рукой, что отразилось на его успеваемости.

Вот тогда-то ученику восьмого класса Денису Тагенцеву в пару пришлась Наташа Короствелёва, девочка незаметная, вначале не привлекавшая никакого внимания Дениса. Потом он с удивлением стал замечать в ней ту особенность, которая делает каждого человека незаменимым: и лицо особенной формы, и стать – не такая, как у остальных, а высокая. Не в том смысле, что Наташа высокого роста, а наоборот, что-то крылатое, неуловимое, небесное сквозило в каждой чёрточке её фигуры, ещё детской, ещё подвижной и гибкой, как лозинка на ветру.

Шмырь всё приставал к Денису:

– Ну, как? – весело, но с ноткой зависти спрашивал он.

– Что, как? – не понимал Денис.

– Ну, это – ножки...

– Что ножки? – до Дениса пока не доходило понятие – «ножки».

– Небось, встаёт? – гыкал Шмырь

– Встаёт один вопрос к тебе: когда ты, скотина, отвяжешься?

Но тот не обижался. Даже громоздился в лучшие друзья: всё спрашивал – что, да как? Подозрительный стал какой-то. На переменах всегда старался быть рядом, прикидывался своим в доску, ссужал деньгами и сигаретами. Норовил быть необходимым. Вроде брата делался. С глаз не спускал, пока Денис не уехал в Москву. Школа – что? – движение к цели. А цель – всё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.